

Шолом Аш

ЛЮДИ И БОГИ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перевод с еврейского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1966

КОЙЛЕРСКИЙ ПЕРЕУЛОК

1

Между Великой Польшей и Мазовцем тянется треугольная полоса земли. С одной стороны она ограничена песчаными Привислинскими холмами, примыкающими вплотную к серебряной ленте Вислы возле Плоцка и Влоцлавека, с другой, у Ленчице, соседствует с провинцией Колва, изобилующей какими-то страшными тайнами. По левую сторону этой полосы раскинулось богатое красками и оттенками «княжество» Лович. Территория, на которой расположены города Кутно, Жихлин, Гостенин, Гомбин и еще несколько мелких городишек, представляет собой равнину, своеобразную, как и населяющие ее крестьяне. Она бедна водой и небо-

гата лесами. Горизонт здесь уходит в неоглядную даль — глазу бывает не на чем остановиться. Длинные, скучные поля, поросшие большей частью скудным хлебом, тянутся немереными верстами. Кое-где их пересекает обсаженная по обочинам плакучими ивами белая полоса проезжей дороги, ведущей из одного местечка в другое. Здесь не передают из уст в уста легенд и страшных историй, как в соседней Куяве, о которой рассказывают, что там на полях по черным тропам бродят души покойников и заманивают живых людей в трясины; здесь не видать обилия красок и оттенков близлежащего «княжества» Лович, подарившего миру величайшего польского музыканта и создателя польской народной мазурки — Шопена. Поля здесь гладки и однообразны, прост и бесхитростен здесь и крестьянин, работающий на этих полях, как и картофель, который дарит ему земля. Крестьянин здесь не наряжается в белый кафтан и цветные брюки, не украшает свою шляпу лентами и кораллами, как делают это ловичане; не занимается он и колдовством, подобно крестьянам из Высоких Топелей близ Куявы. Крестьянин-хлебороб подобен глыбе земли, в которую бог вдохнул душу живую, подобен липе, что растет возле его дома... Он любит свою свирель, и звуки, извлекаемые им из нее, — незамысловатые песни, порою без мотива, протяжные, без начала и конца, как и неоглядные родные зеленые поля... Человек без хитростей, без задних мыслей — вот таким создал его бог... Когда он в добром расположении духа, он готов отдать последнюю рубашку. Но если разозлишь его — он жизнью поплатится, только бы отомстить. Он от природы любит скотину, что живет с ним, и никогда не зарежет ее для собственного потребления. Но больше всего он любит свою лошадку, жалеет ее и никогда не использует для будничной работы. Для пахоты он скорее запряжет корову и жену в пристяжку — только не лошадь. Свою любимицу он бережет на воскресный день — поехать в костел или в ближнюю деревню, к другу, чтобы похвастать лошадыю перед другими.

Еврей, родившийся на тамошней земле, тяготели больше к полю и фруктовому саду, нежели к синагоге и «микве»...* Здесь были богатые пастбища. Крестьяне

выращивали на них коров, быков и овец. Евреи скупали скот и возили его в Лодзь или на границу, проходившую неподалеку. Были среди евреев знаменитые рыбаки с Лонских озер, снабжавшие рыбой Лодзь и всю округу — Калишскую и Плоцкую губернии. Там, где не было железной дороги, проживали крупные дельцы извозного промысла, доставлявшие обитателей Литвы за границу. Крестьяне растили лошадей и ухаживали за ними, поэтому здесь жили еврей-барышники, скупавшие и поставлявшие «товар немцу», приезжавшему из Торна и Берлина. Еврей-бедняки арендовали у крестьян на лето фруктовые сады. Зимой они мыли в городском пруду овечьи шкурки и возили их на ярмарку в Лович или в Гомбин. Евреи всю неделю проводили в деревне, жили вместе с крестьянами, а на субботу приезжали в город, к братству РИМ (рыбаки, извозчики, мясники) молиться в их синагоге. Там обменивались почестями и рассказами о событиях прошедшей недели. В субботу ходили в луга, где паслись лошади, а парни играли в городки и в лапту. А под вечер усаживались на лавочки возле домов, разглядывали служанок, выходивших на прогулку, и снова рассказывали всякие истории.

В одном из упомянутых местечек существовала улочка, которую называли Койлерским переулком. В этом переулке помещалось братство РИМ. Койлерский переулочек не считался глухоманью, гиблым местом: евреев здесь не трогали. А если случалось иной раз, что после осенних праздников через местечко проходили рекруты и затевали драку, в бой вступали здешние парни. Они вытаскивали дышла из возов, срывали железные засовы с болтами у стaven, срубали молодые деревца, росшие у дверей, и, вооружившись всем этим, выходили на улицу — показать, «кто мы такие!».

Синагогальную улочку, на которой жили раввин, резники и все меламеры*, где помещалась «миква» и дом, в котором резали птицу, очень оскорбляло соседство Койлерского переулочка с его «грубым людом» — мясниками, рыбаками, хотя ревнителю святой религии, по сути дела, только и жили за счет всяких «праздничных» и прочих преподношений своих «грубых» собратьев. Ну, а если случалось, что на Синагогальной улочке задебо-

ширит пьяный и пустит в ход кулаки или непрошенный гость науськает на кого-нибудь собаку, все ее обитатели от мала до велика с криками: «Наших бьют!» — прибежали в Койлерский переулочек. Несмотря на это праведники улочки в душе презирали своих «благодетелей» и утешали себя тем, что в день пришествия мессии * «тамошним» поневоле придется прибегнуть к их помощи.

Почтенные обитатели Широкой улицы и вовсе не принимали в расчет жителей Койлерского переулочка: «Дикари! Всем «тыкают»...» Хотя иной раз, спокойствия ради, и они бывают нужны: например, когда новобранцы проходят через местечко, «чтоб стекло не повышибали»...

Справедливости ради надо сказать, что и Койлерский переулочек не слишком якшался со знатью с других улиц. Обитатели переулочка называли их «вымоченными евреями». Однако, когда возникала необходимость обратиться за помощью к силам небесным — написать, к примеру, грамотку, чтобы повесить на стенку у кровати заболевшего ребенка, или прочитать главу из псалтыря (на такие дела в Койлерском переулочке мастеров не было), поневоле приходилось обращаться к Синагогальной улочке. А когда наступал месяц элул *, Койлерский переулочек и вовсе сдавал позиции. В эти дни проникались уважением даже к самому незаметному синагогалцу, так как и он простаками из Койлерского переулочка был сопричислен к «гвардии Моисея-пророка» *. И в канун Судного дня у входа в синагогу можно было видеть растянувшегося ничком на земле здорового ребенка — извозчика или рыбака — и «вымоченного» представителя Синагогальной улочки с ремешком в руке, который перед лицом господина бога в небесах разделялся с Койлерским переулочком... *

В Койлерском переулочке стоял большой деревянный одноэтажный дом с длинными скамьями перед входом. Место это так и называлось — «на скамейках», там собирались парни и усаживались у дверей. В доме жил реб * Исроел Жихлинский.

Это был старейший и наиболее уважаемый гражданин Койлерского переулочка, один из тех, кто еще помнил времена, когда кружка спирта не стоила и алтына. Старик у стукнуло семьдесят лет, но ходил он еще без пал-

ки и очков не носил. Когда, бывало, реб Исроел, часа два погнавшись за быком, сорвавшимся с привязи, в конце концов схватит его за рога, да так, что тому ничего не остается, как согнуть свою упрямую шею, старик побряхтит и скажет с усмешкой: «Эх, куда былая слушка девалась!»

Реб Исроел Жихлинский был крупным скотопромышленником. Торговал он с немцами и, скупая скот во всей округе, ворочал большими тысячами. Его уважали все — и евреи и русские, ведь этот человек давал людям возможность заработать. Ему сдавали деньги на хранение, у него брали взаймы, к нему шли за советом, приходили улаживать споры, и как реб Исроел скажет, так тому и быть. Реб Исроел мог и пощечиной наградить самого сильного «славного парня» (если это было необходимо) — ему перечить не станешь. А если бы кто осмелился — его бы тут же прикончили парни Койлерского переулочка. В доме реб Исроела харчевалась вся молодежь переулочка — и евреи и русские; они перегоняли быков в Лодзь или к границе. Ночевали парни в хлевах рядом с конями, быками и овцами. Харчи в доме реб Исроела не прятали, хлеб и масло всегда стояли на столе — входи, отрезай ломоть и шагай своей дорогой. В доме было полное изобилие: коровы, быки, лошади, козы, овцы, гуси... Под замком ничего не держали. Тут, брат, не украдешь — убьют на месте! Если в городе кого-нибудь обижали, шли жаловаться к реб Исроелу. Да, реб Исроел был строг. Обидчиков он награждал такими оплеухами, что они их помнили всю свою жизнь! Однажды в пятницу вечером еврей-хасид *, арендовавший винокурню у городского барина, устроил ревизию у некоей вдовы и обнаружил у нее запас спирта. Несчастную женщину засадили в кутузку. Сочувствующие прибежали к реб Исроелу. Тот взял свою палку, вышел на улицу и встретил хасида.

— Выпусти вдову из кутузки, говорю я тебе!

— Реб Исроел, посудите сами, она отнимает у меня заработок!

Реб Исроел не любил тратить лишних слов. Сказав это, он вернулся домой, а два дюжих молодца тем временем пришли к хасиду в кабак, выкатили на улицу две бочки со спиртом и вывернули краны: «Берите, мол, кто хочет!» И справили тогда евреи Койлерского переулочка

славную субботу, много пьяных валялось на улице, а шинкарю вдобавок наставили фонарей под глазами, пообещав на следующей неделе повторить — и поди жалуйся господу богу!

Войдет в дом к реб Исроелу увалень и остановится у большого шкафа.

— Ну, что скажешь, портновская голова? — спрашивает реб Исроел, награждая парня пощечинами. — Говорят, мать свою бьешь! А кто тебя кормил до сих пор? Другой чуть поперек ей молвит, за нож хватаешься?

— Реб Исроел, так ведь мать-то — моя! Мне можно, а другому — хворобу! Потроха выпущу! Не так ли, реб Исроел?..

— А тебе чего, детка?

— Да вон тот жук, у которого керосиновый склад, сулит мне красенькую, если я ночью перелезу через забор к его конкуренту, Иоськиному зятю, и устрою там «море разливанное» с бочками керосина.

— А я тебя вздую! Красенькую возьми, а ему кукиш покажи.

— Так он бумажку вперед давать не хочет.

— А ты скажи, чтобы он деньги у меня заложил, а сам ступай к Иоськиному зятю, — пусть он завтра поутру гвалт поднимет, мол, бочкам его глаза протерли... Я тебе красенькую отдам, а если этот жук потом к тебе придирается станет, дай ему в зубы!..

Приезжая в пятницу под вечер домой, реб Исроел сел на скамью, предварительно набив карманы медяками, и про себя молил бога: «Пошли мне, отец, людей, которым субботу не на что справить!» И не вошел в дом, покуда не раздаст всю мелочь нищим. Затем, умывшись и надев субботний кафтан, отправлялся в молельню РИМа встречать субботу. Странники, проходившие по этим местам, специально останавливались в местечке, ожидая приглашения в гости к реб Исроелу на субботу. Вкус кугла*, которым угощали в этом доме, запоминался на целый год. Молельня всегда была набита такими «гостями». Реб Исроел становился у дверей и, зорко следя за тем, сколько гостей не получит приглашения (никто так не любит принимать субботних гостей, как мясники и рыбаки), всех оставшихся увозил к себе.

Число желающих заполучить гостя на субботу порой было так велико, что служба молельни РИМа назначал даже цену, которую прихожанам следовало уплатить за возможность совершить богоугодное дело. «Три злотых за гостя!» — выкрикивал он. На следующий день, после службы, раввин читал прихожанам главу из «Мидраша»*. У реб Исроела в такие минуты навертывались на глаза слезы. Потом он приглашал всех на субботнюю рюмочку водки с пряником и при возгласе «лехаим!»* стучал кулаком по столу, приговаривая:

— Пейте, люди добрые, за праотца нашего Иакова! За пророка Моисея!..

И в доме звенели окна от ударов кулаками по столу.

Реб Исроел мог самостоятельно прочитать раздел Пятикнижия*, он и в комментариях Раши* неплохо разбирался, покуда комментатор не забирался в дебри арамейского наречия. Комментатора Раши реб Исроел вообще очень любил. Он казался ему кем-то вроде всеобщего близкого родственника. И еще одного человека любил реб Исроел: царя Давида*. Главы его псалтыря неизъясимой сладостью растекались по жилам. Да и вообще царь Давид представлялся реб Исроелу простым и доступным человеком. Казалось, его можно за просто повстречать на улице, остановить и поздороваться с ним:

— Добрый день, уважаемый царь Давид! Как дела?

И начинается разговор о рынке...

Когда у реб Исроела подросла дочь, он отправился к раввину:

— Рабби, подберите мне зятя из ваших молодых людей.

Приняв зятя, он поселил его в своем доме навсегда: вот, мол, тебе еда и питье, вот тебе субботнее платье и карманные деньги, а ты сиди и изучай святую тору*.

К зятям, сидящим над фолиантами, реб Исроел относился с большим уважением и ходил мимо них на цыпочках. Все самое лучшее и дорогое он берегал для них. А слышав, бывало, в своем доме чтение нарастав, старик плакал от радости, как дитя.

Сыновья реб Исроела отличались богатырским сложением. Их называли «жихлинской гвардией». Все они были уже взрослыми. Однако превзошел братьев самый младший, «поскребыш» Нотеле. Натан постоянно расха-

живал с собакой Бореком, с овечкой Башкой и со свистком в кармане. На плече у него зачастую сидел голубь. Вся улица дрожала при виде его. В соломенной шапочке на макушке и с нагайкой в руке он становился у дверей и начинал посвистывать своим голубям, кружившим у него над головой. Юзефа выводила из конюшни его Буланого. И если конь был недостаточно вычищен, или грива коня не была расчесана и заплетена косичками с ленточками, Натан мог огреть Юзефу нагайкой, да так, что на полной розовой девичьей руке проступала кровь.

Юзефа была работницей у реб Исроела. Ее в свое время привезли из деревни, и она осталась в этом доме навсегда. Девушка она была крепкая, как железо, — под стать всей семье. В доме ее считали своим человеком. Она вмешивалась в разговоры, давала советы, сердилась, если что-нибудь было не по ней. Натан истязал ее, но она не сердилась на него. Только встряхнет, бывало, головой, так что волосы упадут на уши и на лицо, и скажет:

— Бей, если тебе так хочется!

А через полчаса, увидев его на коне, Юзефа становилась у двери, упершись руками в бока. Глаза ее, украшенные багровыми сиянками, которые наставил ей Натан, улыбались, словно говоря: «Каков молодец! На коне-то как сидит!..»

Вернувшись, он подзывал ее. Поначалу она притворялась, будто не слышит, потом подходила, потупившись, и нехотя брала поводья из его рук.

Он подмигнет ей и поднимается на чердак, где у него голубятня. Юзефа отводит коня в хлев и встречается со сторожихой.

— Кто это тебя так разукрасил? — спрашивает та, указывая на лицо Юзефы.

— Тот, кому хотелось, а тебе — хворобу! — отвечает Юзефа, показывая кукиш, и быстро взбирается на голубятню.

Рядом с голубятней на чердаке хранился овес. Голуби так хорошо знали свое место, что куда бы их не уводили, они все равно прилетали сюда и усаживались на крыше. На другом краю города жил пекарь-поляк. У него была своя голубятня, и между пекарем и Натаном шла непрерывная война. Натан выпускал своих го-

лубей, пекарь — своих. Случалось, что одна партия переманивала голубя из партии противника. Появлялась из другой партии голубка и начинала заигрывать с самцом, «уговаривать» его улететь вместе с ней...

Но тут приходила на помощь «братва». У Натана была своя братва — еврейские и польские парни, которые у него ночевали. У пекаря тоже были помощники — свои подмастерья. Если случалось одной стае увести голубя, принадлежавшего противнику, парни ликовали, словно победили вражеское государство. А те, что потеряли голубя, ходили повесив носы и думали, как бы отомстить. Из-за этого происходили побоища между командами Натана и пекаря — такие, что упаси бог!

2

Это случилось летом, в пятницу после обеда. Реб Исроел только что вернулся из поездки. Конюх Камиза повел поить лошадей к водокачке. Юзефа снимала вещи с воза. Помимо вещей, на возу были гусь, индейка, мешок с рыбой, купленные хозяином на субботу. Вдруг прибежал во двор паренек, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

— Что случилось? — спросил Натан, выбежав из дому со своей собакой.

— Пекарь голубей своих выпустил! Голубка стоит на крыше ратуши!

В два прыжка Натан взлетел на чердак, открыл голубятню и выпустил своих питомцев.

С нагайкой в руке, окруженный своими ребятами, Натан вышел на улицу. По другую сторону базара стоял пекарь с братвой, вооруженной дубинами, а над базаром, в облаках, купались голуби двумя отдельными стаями. Порою одна стая врвалась во вторую, на минуту обе стаи перемешивались и летали вместе, то снижаясь, то взмывая под облака. Сделав несколько кругов над базаром, голуби уселись на крышах, а в стороне, словно изгнанная из стаи, одиноко села и голубка. Вскоре к ней подсел голубь из Натановых питомцев, и они начали о чем-то секретничать. Команда Натана, затаив дыхание, следила за ходом «переговоров» и с трепетом сердеч-

ным ждала минуты, когда голуби «придут к соглашению» и присоединятся к его партии.

Но тут подошел парень из пекаревой команды, швырнул на крышу камень, и голуби разлетелись.

Этого было достаточно.

Парень из Натановой компании хватил пекарского приспешника дубиной по ногам. Тот упал и завопил. Тогда налетели другие — и началось побоище. Дубины взметнулись вверх, закружились над головами. С обеих сторон появились жертвы: поверженные наземь парни лежали с окровавленными лицами. Прибежал с бойни слепой Лейб и стал размахивать дышлом. Натан схватил пекаря одной рукой за ладканы, чтоб не убежал, а второй дубасил его по бокам, стараясь угодить в печенку... Пекарь рухнул, а над головами дерущихся в тревоге летали голуби, точно понимая, что драка возникла из-за них. Они хлопали крыльями и наконец взмыли в поднебесье.

Отделав пекаря так, что он уже с места двинуться не мог, парни отошли — посмотреть, что будет дальше.

Господь помог, голуби «сговорились», и самец заманил голубку в Натанову стаю.

Команда Натана торжествовала, а в пекаревой компании стали подумывать об отмщении.

Ночью пекарь пробрался в хлев реб Исроела, где помещалась голубятня, и стал душить птиц одну за другой.

Голуби, почуяв чужую руку, начали хлопать крыльями и с шумом летать по голубятне. Юзефа, спавшая в каморке за голубятней, всполошилась, вошла в дом и дернула Натана за чуприну:

— Паничу! Кто-то шебаршит на голубятне!

Натан схватил железяку, которая постоянно лежала возле его кровати, и помчался в хлев.

У самого входа кто-то так огрел его чем-то по голове, что из глаз посыпались искры. Но Натан, покачнувшись, сгреб злодея, заткнул ему рот, чтоб не мог кричать, и колотил по голове и «под вздох» до тех пор, пока сам не почувствовал, что хватил лишку. Тогда он взял своего врага за голову, стащил вниз и отнес к порогу его дома...

Спустя несколько дней Натана посадили за решетку. Однако не так-то просто было взять такого парня! Старшего стражника, который пришел за ним, Юзефа заманила в сарай (ей надо, мол, сказать ему кое-что...). Старший охотно последовал за Юзефой. Но в темном сарае представителя власти поджидали... Ребята так обработали его, что второй раз прийти за Натаном он уже не смог. В городе стали побаиваться парня, поползли разные слухи... Натан ходил по улице с нагайкой в руке и в сопровождении пса, пока не налетели на него трое караульных с двумя стражниками и не отвели в острог.

Между тем пекарь скончался. Горожан объял ужас, возраставший день ото дня. Рассказывали разные истории: то тут, то там крестьяне объединяются и что-то замышляют... Ехиел, который ходит по деревням, рассказывал в синагоге, что какая-то крестьянка предложила ему посмотреть в зеркальце. Он посмотрел и увидел в нем голову раввина... И крестьянка заявила, будто она что-то наколдовала. Поползли слухи о ритуальных убийствах. В окрестных деревнях ходила молва, что ночью кто-то напал на молочниц и ограбил их. Евреи собрались у раввина. Решено было объявить пост. Богачи уехали из города. В Синагогальном переулке словно сама смерть прошла, размахивая черными крыльями. В синагоге по целым дням горели свечи и люди читали псалмы. Матери целовали своих младших детей и заживо оплакивали их юную жизнь... Помолвки и свадьбы откладывали «на после», когда «все кончится благополучно». Еврей-сторожа по ночам ходили по улицам с толстыми дубинами. Псаломщики ночи напролет читали псалмы в синагоге.

Натан поглядывал из-за решетки в окне, выходящем на базар. Каждое утро Юзефа водила мимо тюремного окошка Буланого, показывая, что конь вычищен как полагается. Башка и собака Борек целыми днями лежали тут же, и хозяин разговаривал с ними из-за решетки. А команда «натановцев» ежедневно гоняла голубей, и Натан, наблюдая, отдавал распоряжения.

Жителей города все больше охватывал ужас. Люди бродили как тени. Евреи стали бояться русских и поляков, с которыми жили всегда в мире. Водonos, доставлявший воду в еврейские дома, будто бы сказал одному из своих клиентов, что в праздник святого Иоанна, во

время ярмарки, он примется за дом Мошковского. Мужик, зажигающий по субботам свечи в синагоге, якобы станет надзирателем, а могильщик делается начальником, и евреи должны будут ему платить... Евреи выслушивали все эти рассказы и цепенели от страха. Девушек отсылали из дому к каким-то новоявленным дядям и теткам, туда же отправляли детей. Синагогальный переулочек приготовился: «Мы в руке твоей, господи, поступай с нами по разумению твоему!»

Койлерский переулочек хранил спокойствие. Там делали вид, будто никто ни о чем не знает. А когда встречали еврея с носом, повешенным на квинту, его спрашивали: «Скажи-ка, гусь лапчатый, ты что, помирать собрался?»

Говорили, что Судный день * приурочен к празднику святого Иоанна, когда откроется ярмарка.

Это бывала самая крупная ярмарка в городе. После уборки урожая крестьяне приезжали в город. В амбаре было полно хлеба, на поле — полно картофеля и капусты. Крестьянин приезжал в город с женой и детьми покупать гостинцы. Он продавал выращенный скот, покупал молодняк на вырост. На ярмарке встречались с кумовьями, расспрашивали друг друга об урожае, вместе шли хватить по рюмочке.

И день, которого евреи каждый год ожидали в надежде на заработки, в этом году встречали в смертельном страхе, желая, чтобы он миновал как можно скорее.

Когда день этот настал, евреи чуть свет сошлись в синагоге и начали молиться. Раввин стоял у аналоя, как в Судный день, и в синагоге поднялся всеобщий плач. После молитвы раввин подошел к кивоту, раскрыл его дверцы и стал читать вслух предсмертную исповедь — один стих произносил он, следующий произносили молящиеся. Уходя, прихожане прощались и желали друг другу встретиться завтра в живых...

Тем временем по городскому мосту тархтели телеги съезжавшихся на ярмарку крестьян. И стук колес каждой телеги отзывался в сердцах евреев смертельным страхом. Казалось, сегодня телеги стучали как-то необычно и шаги крестьян звучали не так, как всегда...

А время шло как ни в чем не бывало. Крестьяне продавали привезенный товар, торговались, уступали, потом покупали то, что им требовалось.

Поначалу еврейские лавки были закрыты. Какой-то крестьянин искал, где бы купить селедку. Тогда одна еврейка открыла свою лавчонку и продала ему селедку. За первым крестьянином пришел второй, потом третий... Лавочник, торговавший на другой стороне, увидав, что одна лавка открылась, открыл и свою. Таким образом открылось несколько лавок... День пошел своим чередом, как и в прежние годы, евреи осмелели, набрались духу и стали торговаться с покупателями...

Вдруг прибежал с конского базара парень с криками: «Спасите! Евреев убивают!»

В ту же минуту лавки закрылись. Ставни захлопнулись. Двери и окна домов оказались на замке. Женщины и мужчины хватили что под руку подвернется — ребенка, лампу, стол, одеяло — и бежали, как от пожара, но тут же останавливались, — где же искать спасения?.. Прятались под кровать... с минуту лежали... Нет!.. Вылезали... Отодвигали шкафы, забирались за них... выходили... Лезли на чердак, спускались в погреб, поднимались на печь... Дети плакали, матери накрывали их подушкой, чтобы не услышали с улицы... А на улице, те, что добегали до еврейских домов, начинали колотить в двери, прося их впустить... В дома набивались чужие люди. Отцы стонали: где теперь их дети? И прижимали к сердцу чужих малюток...

В Койлерском переулочке тоже услышали, что убивают. Тогда вышел из мясного ряда Гершеле Козак, схватил мешок, сунул в него три десятифунтовые гири, взвалил на плечо и крикнул: «Пошли, братцы!» За ним последовал весь переулочек. Мясники вооружились топорами, извозчики выдернули дышла из возов, рыбаки взяли багры, барышники с нагайками в руках сели на лошадей — и все двинулись на конский базар.

Большая базарная площадь, к которой вели две дороги, была забита возами, но их не было видно за лошаадьми, волами, людьми и свиньями... Все это мелькало в глазах, разноголосе кричало и визжало. Пьяные мужики, вооруженные палками, гонялись за евреями, которые, путаясь в длиннополых кафтанах, прыгали и пробирались между телят, лошадей и людей. Истошный крик

человека, перескакивающего через телегу и дико призывающего на помощь, сливался с пьяным хохотом преследователя... Испуганные лошади лягали людей и визжавших свиней... Над головами взлетали кольца, глиняные горшки, шапки... Переполошенные гуси и куры гоготали и кудахтали, взмахивая крыльями и роняя перья... С дикими криками разбегались в разные стороны люди в черных длиннополых кафтанах...

И тут, в эту сумасшедшую кутерьму и суетолю, словно струя раскаленной стали в холодное течение моря, врезался Койлерский переулочек. И вот уже люди хватаются за головы, пущены в ход обломки железа, стальные полосы, кровью заливает глаза, одежду... Попытаться ничего нельзя, все перемешалось... Крестьянка, обливаясь кровью, тащит своего избитого мужа, а тот колотит ее кулаками по животу и вырывается. Маленькие дети цепляются за юбки матерей, а отцы отгоняют от себя детей и, вытаращив залитые кровью глаза, лезут напролом в самую толчею... Идет побоище, один другому старается выбить зубы, горло перегрызть... Зверь проснулся в человеке, один другого хочет живьем сожрать...

Натан весь день наблюдал из окошка осторожной камеры. Он не раскаивался в содеянном, — он не из тех, что раскаиваются. Ожидая начала побоища, он не строил планов побега, — не такой он человек, чтобы заранее планы строить. В нужную минуту он воспламеняется, ломает все преграды на пути и вырывается, подобно грому!

Он увидел, что люди бегут со стороны конского базара. Вот парень бежит с окровавленной головой, женщины несутся и тащат за собою детей. Лавки закрываются. Натан почувствовал, что творится что-то неладное. К рукам и ногам прихлынула кровь. Натан закусил губу и кинулся на дверь. Но она, хоть и местечкового острога, была достаточно крепка, чтобы не поддаться руке человека. Тогда он бросился к решетке. Она гнулась, но была накрепко вмазана в стену. Натан стремительно поднял койку и с размаху ударил по печке — посыпался кирпич, доски разлетелись в щепы. В отчаянии он кидался на стены, кусал себе руки, нагнул го-

лову и стал рычать, как зверь в клетке. Наконец обессилен и лег. Но тут он услышал знакомый голос:

— Паничу! Паничу!

Натан выглянул в окошко и увидел Юзефу с растрепанными волосами.

— Бион ойца!¹ — крикнула она, подавая ему сквозь решетку железный лом.

Он схватил его, сунул в щель между дверью и косяком, налег изо всех сил, и дверь отлетела. Стражник попытался схватить его, но Натан так двинул его кулаком в зубы, что тот перекувырнулся и залился кровью. Парень бросился к дому, отцу на помощь.

Крестьяне с конского базара двинулись к реб Исроелу.

— До Жихлинского, цо сын забил хлопа!² — кричали они и, размахивая заступами и топорами, повалили в Койлерский переулочек.

Войдя во двор, они остановились перед домом. В переулочке поднялся крик: «Они у реб Исроела!» Тогда все население переулочка от мала до велика вышло из домов. Слепой Лейб (парень, который руками гнул и ломал железо) нащупал в сарае трезубые вилы. Обитатели переулочка окружили двор...

— Вот как! — крикнул реб Исроел, выходя из дому, и остановился среди крестьян с железной тростью в руке, которой иногда пользовался при встрече с ворами на Лодзинском тракте. — Кого это вы пришли бить? — обратился он к крестьянам. — Меня? Того, кто всю свою жизнь имел дело с вами? У вас скот скупал, деньги вам платил, за границу его возил? Мытарился из-за вас, летом на солнце жарился, зимой на морозе околевал... Набивал вам карманы сотенными бумажками?! Подходите поближе, псы окаянные! Вот он — я! А ну-ка, кто посьмет меня тронуть?!

Крестьяне молчали. Один из них сказал:

— Против вас, Жихлинский, мы ничего не имеем, — мы на сына вашего серчаем за то, что он мужика убил.

¹ Бьют отца! (польск.)

² К Жихлинскому, сын которого убил мужика! (польск.)

— Вот я! — раздался в эту минуту голос Натана, распахнувшего ворота и вбежавшего во двор.

Он схватил первого попавшегося крестьянского парня за бока, поднял его и с размаху посадил наземь. Даже кости хрустнули... Мужики кинулись на Натана. Но тот, схватив другого парня, поднял его и, размахивая им, как дубиной, обрушил на головы противникам... Тут во двор ввалился весь Койлерский переулочек, вооруженный чем попало, и, перемешавшись с мужиками, начал орудовать... Но вдруг раздался голос реб Исроела:

— Стойте! Он человека убил, — пусть сам защищается!

И Натан стал защищаться. Не выпуская парня из рук, он продолжал размахивать им и бить по головам наступающих... Мужики падали как подкошенные. Одному из крестьян удалось хватить Натана заступом по темени. По лицу Натана потекла кровь, но он не дрогнул, еще глубже врзался в толпу, выхватил у кого-то из рук заступ и стал им колотить по чем попало.

Казалось, в парня вселилась нечистая сила и нагнетает кровь в его мощные руки. Вот-вот лопнут жилы... Кто-то саданул Натана железякой в бок, он согнулся, на минуту остановился, но тут же выпрямился и снова устремился вперед... Кто-то подошел сзади и ухватил его за руки. Натан начал отбиваться ногами, кусаться... Но боль в боку давала себя знать...

— Ах вы псы кривые! — вдруг, словно из-под земли, выросла Юзефа с киркой в руках и замахнулась на крестьянина, державшего за руки Натана. — Вы панича убили! Я вам дам!..

Она киркой отогнала мужиков от Натана. Держась за бок и клонясь к земле, тот все еще пытался ударить заступом одного из наседавших... Наконец Юзефе удалось увести парня и уложить в кровать...

Крестьяне хотели было последовать за ним, но, увидав вооруженных обитателей Койлерского переулочка, отступили. Во дворе остались лишь семь-восемь раненых да лужи крови. Расходясь, мужики говорили об Юзефе:

— А та стерва вовсе не жидовка!..

¹ Собачья кровь — бранное выражение (польск.).

Кое-как пережив этот день, Синагогальная улочка вылезла из-за печей, из-за шкафов, из ям, спустилась с чердаков. На следующий день, придя в синагогу, они приветствовали друг друга, славили бога, а после моления послали за водкой и закуской. Решено было собраться и устроить небольшую трапезу. Касриел и Азриел, зытя реб Исроела, обещали добыть у тестя Натановых голубей. А так как «сыннок» лежит чуть ли не на смертном одре, то тесть, надо думать, возражать не станет. И, конечно, сам бог велел, чтобы евреи на этой трапезе съели злосчастных голубей, из-за которых люди так пострадали... Да и вообще надо покончить с голубями, чтобы и в заводе их больше не было у евреев и чтоб не навлекать бед на свою голову.

Так и сделали. Оба зытя после моления пришли к тестю, переговорили, поднялись на чердак, забрали всех голубей и отослали к резнику.

Натан лежал мертвенно-бледный, тяжело дышал. На забинтованной голове — пузырь со льдом, губы стиснуты. Возле него сидела Юзефа, выполняя все его требования. Он услышал, что по чердаку кто-то ходит, услышал хлопанье крыльев... Натан пытался приподняться, но не мог. Скинув с себя одеяло, он лежал и прислушивался.

Парень смотрел на Юзефу и пальцем указывал на потолок. Девушка поднялась на чердак и принесла ему пару маленьких, едва оперившихся голубков, у которых только что отняли мать.

Птенцы беспомощно хлопали почти голыми крылышками и что-то искали... Тоненькие шейки, обтянутые нежной кожей, под которой двигалась хрупкая косточка, то морщились, то вытягивались, когда голубки запрокидывали головки и прятали их под крыло.

Натан взял птенцов, закусил губу, оттолкнул ногой стул, стоявший возле кровати. Птенцы дрожали у него в руке... Он посадил их на грудь, под сорочку, нежно прижал и старался согреть... Они лежали у него на груди и о чем-то просили, немощно шевеля крылышками.

Натан еще сильнее побледнел, глаза его закатились, нос заострился, губы плотно сомкнулись...

В доме все притихло, только легкий ветер чуть шумел за окном. Обитатели дома ушли, словно опасаясь бури, которая вот-вот разразится и все уничтожит...

Натан чувствовал, как трепещут птенцы у него на груди. Его глаза расширились и налились кровью.

Он молча поднялся, сел на кровати и оглянулся. Увидав недалеко пшеничные зерна, взял щепотку в рот, разжевал, потом сунул клювик голубочка к себе в рот и стал языком проталкивать мучнистую жвачку в горлышко птенца, издававшего какие-то жалостные звуки...

— Бог ты мой! — крикнул вдруг Натан, схватил птенца, свернул ему голову (птичка только пискнула, и тоненькая струйка крови брызнула ему в лицо) и отбросил. То же сделал он и со вторым птенцом... Потом слез с кровати, снял зеркало и швырнул его на пол. Подбежал к шкафу и повалил его. Схватил с кровати подушку, рванул зубами наволоку и выпустил перо; толкнул стол и опрокинул его; чем-то железным вышиб несколько кирпичей из печки; разорвал на себе рубаху и искусал руки...

И вдруг повалился на пол, зарылся лицом в обломки и уснул. Спал долго-долго.

И никто не отважился войти в дом и разбудить затихшую бурю...

ПАРЕНЬ С РЕБЕНКОМ

Боруха Колака пробудил плач лежавшего рядом ребенка. Еще не очнувшись, с закрытыми глазами, он несколько раз кликнул:

— Голда, байстриук плачет!

Голда не отзывалась. Борух огляделся по сторонам — Голды нигде не было.

Это его немного удивило. К речке пошла умыть-ся, решил он. Отыскал где-то лоскуток полотна и сунул его ребенку в рот, чтоб перестал хныкать.

Борух начал одеваться, обдумывая, сколько можно будет хапануть за серебряные подсвечники, которые они ночью утащили у Жихлинского из шкафа. Он взобрался на чердак, осмотрел вещи — подсвечников не оказалось! Пошарил в одном месте, в другом — нет! Тогда он